

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ /
POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES
AND TECHNOLOGIES

УДК 94(470)"1991..."(560)

doi: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество
России и Турции в Черноморском регионе
(политико-исторический анализ)

А. А. Ирхин

О. А. Москаленко ✉

Н. Е. Кабанова

Н. Э. Демешко

Севастопольский государственный университет
(г. Севастополь, Российская Федерация)
✉ kerulen@bk.ru

Аннотация

Введение. Современные Россия и Турция являются динамично развивающимися геополитическими центрами, активно участвующими в формировании новой модели международных отношений. Цель статьи – определить влияние исторических моделей и закономерностей взаимодействия двух государств на современное сотрудничество и возможное столкновение в ближайшем будущем и сравнить их основные ресурсные возможности для получения статуса державы в новом мировом порядке.

Материалы и методы. Исследование выполнено в рамках парадигм классической геополитики с использованием системного, геополитического, исторического и цивилизационного подходов. Исторический опыт российско-турецких отношений авторы рассматривают в виде взаимодействия имперских систем, понимая, что ретроспектива как метод научного исследования станет основой прогнозирования дальнейших моделей двусторонних отношений с учетом сопоставления логики политической и исторической географии.

Результаты исследования. Выявлено, что в основе имперской сущности России и Турции лежат евразийские пространственные проекты, что влияет на их современную внешнюю политику. Несмотря на 12 российско-турецких войн, державы никогда не представляли экзистенциальную угрозу друг для друга и имели беспрецедентные периоды политического сближения, но в то же время сталкивались с экзистенциальными вызовами со стороны объединенного Запада. Определено, что сейчас в геополитической сфере Россия и Турция сталкиваются в трех ключевых регионах: Восточном Средиземноморье и Северной Африке, Черноморском регионе, Южном Кавказе и Центральной Азии. Важным вопросом взаимодействия является проблема функционирования Черноморских проливов. Вопрос получил актуализацию после начала специальной военной операции России на Украине, когда Анкара на основании Конвенции Монре́ перекрывает проливы для всех военных кораблей, что играет на пользу России.

© Ирхин А. А., Москаленко О. А., Кабанова Н. Е., Демешко Н. Э., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Державное возрождение России и Турции формирует крайне неустойчивый климат двусторонних отношений, внутри которого в настоящее время формируется положительная повестка за счет личного фактора двух президентов, что заставляет решение болезненных вопросов переносить в пространство будущего времени. Такое положение вещей требует качественной научной экспертизы исторического и политического опыта взаимодействия двух держав и моделирования будущих двусторонних отношений.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения, имперское возрождение, Черноморские проливы, Черноморский регион, сотрудничество и соперничество России и Турции, турецкий баланс

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00917 (<https://rscf.ru/project/23-28-00917/>).

Для цитирования: Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ) / А. А. Ирхин [и др.] // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 2. С. 214–237. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237>

Original article

The Rebirth of Empires: Contest and Cooperation of Russia and Türkiye in the Black Sea Region (Political and Historical Analysis)

A. A. Irkhin, O. A. Moskalenko ✉, N. E. Kabanova, N. E. Demeshko
Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation)
✉ kerulen@bk.ru

Abstract

Introduction. Modern Russia and Türkiye are dynamically developing geopolitical centers actively participating in the formation of a new model of international relations. The purpose of the research is to determine how historical models and patterns of interaction of the two states have influenced on current cooperation and their possible clash in the near future and compare their main resource opportunities for obtaining the status of a power in the new world order.

Materials and Methods. The study is carried out within the framework of the paradigms of classical geopolitics using system, geopolitical, civilizational and historical approaches. The authors consider the historical experience of Russian-Turkish relations in the form of the interaction of imperial systems.

Results. It's seen that although Russia and Türkiye can be seen as historical antagonists, their imperial nature is based on Eurasian spatial projects that influence their contemporary foreign policy. Despite the 12 Russian-Turkish wars, the powers have never posed an existential threat to each other and have had unprecedented periods of political rapprochement, while at the same time they have faced the existential challenges from the united West. Now, having a significant space for cooperation in the economic and geopolitical sphere, Russia and Türkiye clash in three key regions: the Eastern Mediterranean and North Africa, the Black Sea region, the South Caucasus and Central Asia. The central issue of interaction is the problem of the functioning of the Black Sea straits. The issue was updated after the start of the Special Military Operation of the Russian Federation in Ukraine, when Ankara, on the basis of the Montreux Convention, blocked the straits for all warships that benefits Russia.

Discussion and Conclusion. The sovereign revival of Russia and Türkiye is a reason for an extremely unstable climate of bilateral relations, within which a positive agenda is currently being formed due to the personal factor of the two presidents: painful issues to be postponed for future. This state of affairs requires a qualitative scientific examination of the historical and political experience of the interaction of the two powers and modeling of future bilateral relations.

Keywords: Russian-Turkish relations, imperial revival, Black Sea Straits, Black Sea Region, cooperation and contest of Russia and Türkiye, Turkish balance

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00917, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00917/>).

For citation: Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Kabanova N.E., Demeshko N.E. The Rebirth of Empires: Contest and Cooperation of Russia and Türkiye in the Black Sea Region (Political and Historical Analysis). *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):214–237. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237>

Введение. Новый постбиполярный мир ближайшего будущего, вероятно, сильно напомнит мир новых империй, синтез Вестфальской, Венской и Ялтинской систем международных отношений: национальные интересы, «концерт ряда великих держав» и преобладание в нем сверхдержав – явных лидеров в военной, экономической, технологической и культурной сферах. Российская Федерация и Турецкая Республика – в прошлом две империи, которые в первом десятилетии XXI в. вновь начинают заявлять о себе как великие державы, демонстрируя имперскую сущность и традиции, активно участвуя в формировании нового мирового порядка. Оба государства переосмысливают итоги неудачных для себя войн, которые привели к потере геополитического потенциала: Россия пересматривает итоги окончания холодной войны, а Турция – Первой мировой. Во внутренней политике в начале XXI в. две державы также переживают схожие процессы: с разницей в один год к власти в государствах приходят правящие политические партии (Партия справедливости и развития в Турции (2002 г.) и партия «Единая Россия» в России (2003 г.)), которые используют риторику великого имперского прошлого и возрождают веру и перспективу на великое будущее.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить влияние исторических моделей и закономерностей взаимодействия двух государств на современное сотрудничество и возможное столкновение в ближайшем будущем и сравнить основные ресурсные возможности России и Турции как региональных держав в Черноморском регионе. Объектом исследования являются российско-турецкие отношения в системе международных отношений, предметом – политический курс руководства России и Турции, направленный на получение и признание статуса великих держав в процессе формирования новой модели международных отношений.

В процессе работы решались следующие задачи:

- 1) исследовать исторический опыт взаимодействия двух империй и на его основе определить модели будущего развития двусторонних отношений;
- 2) сравнить ресурсные возможности России и Турции, а также других претендентов на лидерство в регионе и путем сопоставления ресурсных данных спрогнозировать траектории возможных кризисов и столкновений.

Обзор литературы. В последнее десятилетие западная наука демонстрирует значительный интерес к осмыслению феномена империи – и в исторической ретроспективе, и в современном преломлении. В том числе в более широком контексте имперской истории часто рассматривается эволюция турецкой и российской держав. Впрочем, заметна эта тенденция и у турецких ученых.

В рамках понимания империи как политического устройства, где центр контролирует периферию значительных размеров, рассматривает развитие Турции Л. Бергер: при первом типе центр кооптирует местные элиты в имперскую элиту (австрийский тип), при втором – контроль за пределами местного уровня возлагается на людей из центра (британский тип). Классическая Османская

империя была империей второго типа, которую контролировали выходцы из центра (например, с Балканского полуострова). В последние десятилетия своего существования она эволюционировала до «австрийского» варианта, но тогда уже империи «австрийского» типа воспринимались как опрессивные, что не защитило ее от натиска национализма. Однако именно вследствие этого государства – правопреемники Империи (и в первую очередь Турецкая Республика) вооружились национализмом для сопротивления империалистам «британского» толка [1]. Г. Дерлюгян исходит из понимания империи как среднесрочного успешного результата силовой стратегии: к «пороховым империям» относятся территориальные образования, созданные португальцами, русскими-москвитами и турками-османами. Пережив эпический успех, все три империи вынуждены были отступить перед капиталистическими организациями Западной Европы и развиваться в основном в ответ на расширение капиталистических сетей торговли, инноваций и геополитики. В этот период Португалия, Турция и Россия столкнулись со многими схожими дилеммами, использовали схожие стратегии и прошли примерно одинаковые этапы кризиса и адаптации [2].

Принцип географического детерминизма становится ведущим во многих исследованиях, заявляющих неминуемое проявление имперской сущности России и Турции и характеризующих ее как основу внешнеполитических стратегий обеих держав. Так, по мнению профессора Стамбульского университета М. Доган, географическое положение Турции определяет всю историю ее развития как имперского центра: расположившись на пересечении важных коммуникаций разного рода, Турция не только соединяет окружающие ее государства, но и образует ось Европы и Азии. Турецкая география, сыгравшая предопределяющую роль в период крестовых походов, в османский период, в Первую и Вторую мировые войны, во время холодной войны и российско-украинского конфликта, неминуемо будет выводить Турцию на важные позиции нового мирового порядка, каким бы он ни был [3]. Географическое положение России и Турции на стыке Европы и Азии и общая историческая идентичность, проистекающая из прошлого опыта в качестве центров силы крупных сухопутных империй, определяют внешнюю политику двух региональных лидеров на современном этапе, которая характеризуется устойчивыми политическими, социальными, торговыми и культурными связями с евразийским регионом. При этом сходства в подходах неминуемо приведут к усилению конкуренции в будущем [4]. Хотя во многих западных исследованиях звучат опасения о том, что Россия и Турция, несмотря на тактические разногласия, могут образовать «стратегическую ось» в евразийском регионе [5–8]. У ученых преобладает негативное отношение к перспективе возрождения имперских центров (не только России и Турции, но и Китая, Ирана) с агрессивной внешней политикой [9; 10] – с одной стороны, а с другой – подчеркивается необоснованность претензий империй на возвращение [11].

В отечественной гуманитарной науке ощущается недостаток исследований, направленных на осмысление взаимоотношений России и Турции именно в имперской парадигме. Тем не менее можно констатировать значительную разработку темы собственного геополитического проекта Турции, представленного

неоосманизмом, пантюркизмом и панисламизмом [12; 13], и неоосманизма как курса Турции на империализацию [14–16]; уделяется внимание тенденции создания Турцией единого туркоцентричного пространства [17; 18], что закономерно ставит вопрос о рассмотрении российско-турецкого взаимодействия.

Материалы и методы. Исследование выполнено в рамках парадигм классической геополитики с использованием системного, цивилизационного и исторического подходов. Системный подход с творческим набором научных методов позволяет исследовать российско-турецкие отношения в виде единой многогранной, многосторонней, диалектической и устойчивой во времени системы. Исторический опыт российско-турецких отношений мы рассматриваем в виде взаимодействия имперских систем; в основе прогнозирования дальнейших моделей двусторонних отношений России и Турции лежит ретроспективный метод научного исследования с учетом сопоставления логики политической и исторической географии.

Как отмечают авторы Академического словаря теории и истории империй, понятие «империя», будучи одним из ключевых в человеческой истории, получает в науке довольно одностороннее осмысление, что связано с выведением его в преимущественно политическую плоскость и наделение в таком ракурсе негативными смыслами: в этом значении империи всегда противопоставляются свободному миру. Таким образом, негативная оценка империй как политических структур заслоняет конструктивность и историческую эффективность имперских организмов¹.

Выделим несколько подходов к осмыслению понятия «империя», которые отражают не только негативные аспекты политического устройства, но и их созидательную функцию.

Французский политолог А. Ле Бра-Шопар выделяет следующие критерии империй:

1) территория, значительно превышающая средние для своей эпохи и региона;

2) этническая разнородность, основанная на географическом факторе, тем не менее компенсируемая религиозным, языковым, культурно-экономическим единством;

3) длительное существование во времени;

4) власть сосредоточена в руках одного лица или партии;

5) империя стремится к неограниченной гегемонии². С. И. Каспэ формулирует гипотезу имперской системы как «способа разрешения конфликтных напряжений, возникающих при столкновении универсалистских культурно мотивированных политических ориентаций с реальным разнообразием и разнородностью представленных в конкурентном политическом пространстве политических культур. Эта гипотеза позволяет рассматривать различные компоненты имперской структуры с точки зрения того, в какой степени и какими методами они обеспечивают культурно-политическую интеграцию пространства империи

¹ Академический словарь теории и истории империй. СПб. : Санкт-Петербургский университет. Исторический факультет, 2012. С. 5.

² Chopard-Bras A. Empire // Dictionnaire constitutionnelle. Paris, 1992. P. 358.

и, таким образом, становятся базой как для структурно-функционального анализа имперских систем, так и для перехода от синдромного определения империи к генетическому»³.

По мнению Ш. Айзенштадта, основной причиной возникновения империй является «выдвижение в период обострения социальных конфликтов и кризиса традиционных политических механизмов новаторской элиты, которая стремится к восстановлению социального порядка, но не к его примитивной реставрации. В процессе создания нового механизма управления центральная элита опирается на наиболее активные и профессиональные культурные группы, которые находятся в оппозиции к традиционным аристократическим группам, а также на более широкие массы, заинтересованные в установлении более справедливого социального порядка. При их помощи центральная власть выводит из-под контроля традиционных элит наиболее ценные виды ресурсов, которые ставит под свой контроль, а при необходимости распределяет в пользу слоев, составляющих опору империй»⁴. Предпосылками для распада империй является частичная автономизация сферы политической системы легитимации. При этом создание абсолютно новой системы секулярной и рационально обоснованной легитимации власти воспринимается имперской элитой, при которой рушится Большое пространство, как противоречащее своим интересам.

Наиболее удачными среди прочих определений параметров империй является трактовка, которую приводит С. Переслегин: «...Игроками на мировой шахматной доске являются только Империи – государства, для которых выполняются следующие условия:

1. Есть осознание населением или элитами ассоциированности с одной из самостоятельных геополитических структур.

2. Существует один или несколько этносов, соотносящих себя с данным государством.

3. Хотя бы одним из этих этносов проявлена пассионарность в форме господствующей идеологии.

4. У государства наличествует определенное место в мировой системе разделения труда.

5. Государство смогло сформировать собственную уникальную цивилизационную миссию, иными словами, оно способно ответить на вопрос, зачем оно существует»⁵.

В последние годы наблюдается значимая тенденция рассматривать усиление позиций отдельных акторов на геополитической арене в контексте имперского возрождения.

Результаты исследования. Годом начала межгосударственных отношений Московского княжества и Османской империи считается 1492 г., за пять с лишним последующих столетий два государства 12 раз оказывались в состоянии войны друг с другом и провели так в общей сложности 69 лет. Больше ни с одним

³ Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 35.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. С. 31.

соседом эти страны не воевали так часто и так долго. Во многом развитие этих империй происходило схожим, синхронным образом, а их государственные интересы далеко не всегда оказывались противоположными. Как отношения России и Турции, так и их войны нельзя рассматривать только в рамках двусторонних отношений: проблема более сложная и имеет международный характер⁶. Наряду с продолжительными войнами в российско-турецких отношениях были периоды беспрецедентного сближения: 1799–1805, 1833–1840, 1920–1939, 2004–2011 гг. Если сравнить мирные периоды и периоды войн в российской истории, то окажется, что за более чем 500-летнюю историю от Куликовской битвы до Брестского мира 288 лет из 334, проведенных в войнах, пришлось на столкновения с Западом⁷.

Возникнув примерно одновременно (вторая половина XV – начало XVI в.), Московское государство и Османская империя почти в одно время (по итогам Первой мировой войны) распались как имперские образования. Однако большевики пересобрали Российскую империю на новых политических смыслах в рамках СССР, а кемалистская Турция почти столетие – с 1923 по 2002 г. – подражала Западу в своем развитии, пытаясь стать его частью. После развала СССР Российская Федерация переживала тождественные процессы, отказавшись на время от собственной имперской природы.

При поверхностной оценке Турция и Россия могут показаться антиподами, хотя на деле можно выделить значительные объединяющие факторы. Оба государства перенимали от Европы и Азии и политические, и культурные традиции, формировались как евразийские державы; они стремились не только к политическому господству в своих цивилизациях, но и к духовному: претендовали на роль стержневых государств (С. Хантингтон). Оба государства тяжело интегрировались в мировую капиталистическую систему и становились ее экономической полупериферией, проходя болезненные процессы догоняющей модернизации. Несмотря на то, что обе державы являются стержневыми для своих цивилизаций, та же методология цивилизационного подхода позволяет их определять как разорванные державы, когда элиты и часть населения стремятся стать частью другой, в данном случае Западной, цивилизации⁸.

Ретроспективный анализ развития двух имперских пространств позволяет выделить основные проблемы, которые приводили к перманентному столкновению. Эта методика выделения данных конфликтных точек, имеющих историческое и геополитическое измерение, позволяет прогнозировать, что в условиях державного возрождения Москвы и Анкары они снова будут актуализированы.

Обмен первыми дипломатическими документами между государствами произошел в 1492 г., вскоре после чего при посредничестве крымского хана Менгли-Гирея Иван III направил ко двору Баязида II посольство во главе с Михаилом Плещеевым. Османы раньше стали на имперский путь, что повлияло на

⁶ Орешкова С. Ф. Войны России с Османской империей: причины и некоторые исторические итоги // Российско-турецкие отношения: современное состояние и перспективы. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2003. С. 21.

⁷ Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2008. С. 394.

⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016.

отношение Стамбула к Москве, который первое время не уделял значительного внимания контактам с русскими, и лишь к 1514 г. в Москву был отправлен первый османский посол.

Первое русско-турецкое столкновение состоялось в 1569–1570 гг. из-за амбициозных планов османской стороны в отношении недавно присоединенных мусульманских российских территорий Астрахани, что предполагалось закрепить путем строительства канала между Волгой и Доном с последующим выходом в Азов, где стоял османский флот. Однако, хотя и произошло обострение между государствами, османам не удалось закрепиться на русском Каспии, а усилиями Новосельцева, прибывшего в 1570 г. в Стамбул, кризис был преодолен. В то же время этот исторический сюжет, связанный со стремлением Османской империи через мусульманские регионы России получить пространственные приращения, должен быть интересен в свете современной внешнеполитической активности Анкары.

В XVII в. вторая русско-турецкая война стала серьезным столкновением османов и русских на территории современной Украины за крепость Чигирин. В 1680 г. султан хотел лично возглавить армию, выдвинутую к Эдирне для решения «русского вопроса». По просьбе России и при посредничестве крымского хана Мурат-Гирея в феврале 1681 г. в Бахчисарае было подписано русско-турецкое перемирие сроком на 20 лет⁹. В середине XVII в. включение части Украины в состав Российского государства стало причиной новых трудностей. Тогда украинская казацкая верхушка в борьбе с Речью Посполитой, а позднее и Россией, стала обращаться за поддержкой к Османской империи в лице Крымского ханства. В 1669 г. договоренность гетмана Петра Дорошенко с турецким султаном дала повод османам надеяться на включение украинских земель в свои владения, причем без серьезных материальных и людских затрат, что подтвердила и война с Польшей в 1672 г. Стамбул рассчитывал использовать завоеванные подольские земли для поддержания вошедшей в кризис тимарной системы и установить более надежный контроль за своими пограничными вассальными владениями – Дунайскими княжествами, Крымским ханством и другими татарскими юртами Северного Причерноморья. Однако экономические расчеты османов на Подолию и другие украинские земли провалились. Ослабленная недавними войнами и внутренними усобицами Османская империя не рассчитывала восстанавливать разрушенную и обезлюдившую страну¹⁰.

В дальнейшем геополитическое пространство современной Украины неоднократно возникает в столкновении османской и российской имперских систем, что является важным аспектом для понимания современной политики руководства Турции в отношении украинского пространства.

12 русско-турецких войн в целом показывали тенденцию расширения Российской империи за счет пространственных позиций Османской империи. Каждая последующая война отдаляла российский центр от досягаемости османских армий, расширяя либо непосредственно российское пространство, либо сферу

⁹ Акгюн М. Черноморские проливы: незримые связи // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы : сб. ст. конф. / отв. ред.: Н. Ю. Ульченко, Г. Казган. М. : ИВ РАН, 2003. С. 43.

¹⁰ Орешкова С. Ф. Войны России с Османской империей... С. 22.

влияния России. Начиная с третьей русско-турецкой войны (1686–1700 гг.) в двусторонних конфликтах стали присутствовать коалиционный и международный аспекты, которые выводят противостояния на уровень широких международных и стратегических комбинаций и проблем.

Переломным моментом в имперском противостоянии стали военные успехи Екатерины II, которая в результате двух русско-турецких войн (1768–1774, 1787–1791 гг.) заключила Кючук-Кайнарджийский мирный договор (1774), присоединила Крым через девять лет и закрепила этот успех по итогам следующего конфликта и Ясского мирного договора (1791). В результате Кючук-Кайнарджийского мирного договора, среди прочих условий, Россия получила возможность покровительства православной церкви в Османской империи. В современных условиях такая статья мирного договора означала бы ограничение внутреннего суверенитета Турции. Фактически условия договора 1774 г. определяли систему координат взаимодействия России и Турции вплоть до начала Крымской войны 1853–1856 гг.

С момента выхода и закрепления России у черноморских берегов одной из центральных международных проблем, далеко выходящих за рамки двусторонних российско-турецких отношений, становится вопрос регулирования режима проходов судов через Черноморские проливы. Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы как политический объект начинают испытывать влияние трех подходов: турецкого, российского и международного. Последний связан с влиянием сильной нерегиональной державы либо альянса держав.

При рассмотрении турецкого подхода к Черноморским проливам необходимо учитывать, что до Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. Турция рассматривала Черное море как гарем султана, и ни одному иностранному судну не дозволено было заходить в его воды¹¹. В дальнейшем эта модель – закрытия Черноморских проливов для всех военных кораблей в мирное время – была восстановлена Лондонской конвенцией 1841 г. как древнее правило Османской империи. Проблемы существования режима Черноморских (турецких) проливов в дальнейшем становятся предметом не только российско-турецких отношений, но и более широкой международной повестки. И здесь для Турции особую важность приобретает вопрос сохранения фактора национального контроля наряду с присутствием международного аспекта в различных моделях, где проливы могли переходить под международный контроль.

Примечательно, что по условиям Кючук-Кайнарджийского договора вопрос прохода русских военных кораблей не был решен. Позднее право свободного прохода через Турецкие проливы получили торговые суда государств, не находящихся с Турцией в состоянии войны. Русско-турецкие союзные договоры 1799 и 1805 гг. позволили проход российских транспортных и военных судов через Черноморские проливы. В 1806 г. под давлением наполеоновской дипломатии Турция вновь закрыла Босфор и Дарданеллы для российских военных кораблей. Адрианопольский мирный договор по итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. утвердил свободу торгового мореплавания в проливах, но в нем отсутствовали положения, определявшие военное судоходство.

¹¹ Акгюн М. Черноморские проливы: незримые связи. С. 44.

26 июня (8 июля) 1833 г. Ункяр-Искелесийским договором о мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией правительство Российской империи вновь добилось права прохода через Черноморские проливы для своих военных кораблей. При этом Турция обязалась закрывать проливы для военных кораблей нечерноморских держав по требованию России¹². Далее были заключены Лондонская (1841) и Лозаннская (1923) конвенции с диаметрально противоположными принципами функционирования Черноморских проливов.

Второй парадигмой турецкой политики в отношении Черноморских проливов является использование фактора проливов Стамбулом, а после Анкарой, в качестве геостратегического аспекта, существенно повышающего геополитическую роль Турции в региональных военно-политических проблемах и балансе сил, который выводил Османскую империю и продолжает выводить Турецкую Республику на уровень регионального и глобального влиятельного игрока. К этим манипуляциям можно отнести и проект канала «Стамбул», который с 2011 г. активно эксплуатируется в международном информационном пространстве и предполагает создание искусственного судоходного канала, параллельного Босфору.

В 1877 г. русский ученый Н. Я. Данилевский в одном из своих трудов под одноименным названием «Проливы» подробно разбирает стратегическое значение Черноморских проливов для России: его анализ спустя 145 лет не потерял актуальности для современной геополитической ситуации вокруг водной артерии и отражает российскую дилемму между разными режимами. По мнению Н. Я. Данилевского, нейтрализация Черноморских проливов означает, что военные корабли ни одной державы не должны проходить через проливы. Русский Черноморский флот, следовательно, остался бы запертым в Черном море и практически не имел надежды когда-либо высвободиться из этого плена, так как запрещение входа и выхода было бы наложено на него не только Турцией, а общим решением Европы при документированном согласии России¹³. В сущности, нейтрализация проливов приводит к тому, что они заперты для одной России, но открыты для Турции и ее союзников¹⁴, – резюмирует Данилевский. Далее он приходит к выводу, что полная либерализация и свобода прохода через проливы угрожает не меньше России, чем их закрытие (нейтрализация): «Напротив того, свободное плавание (для военных судов) по проливам есть нарушение самых прямых интересов России, потому что для держав, не имеющих в Черном море никаких владений, а следовательно, и никаких оборонительных интересов, оно имеет лишь интерес чисто наступательный, даст им новое средство нападать на Россию. <...> Право свободного выхода из Черного моря русским военным судам есть право выхода из своего внутреннего двора на вольный Божий свет...»¹⁵.

¹² К 145-летию со дня подписания в Лондоне конвенции европейских держав о режиме Черноморских проливов [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/34Anx6> (дата обращения: 10.01.2023).

¹³ Данилевский Н. Я. Горе победителям. М.: «АЛИР», ГУП «ОБЛИЗДАТ», 1998. С. 79.

¹⁴ Там же. С. 80.

¹⁵ Там же. С. 99.

За более чем полстолетия до появления Конвенции Монтрё заключения Н. Я. Данилевского в общем превосхитили ее суть: «...все же оказывается ...совместное с Турцией владение проливами России не нарушает никаких прямых интересов, уже по одному тому, что составляет естественное последствие обладания Россиею большей частью берегов Черного моря. Это есть необходимое последствие происшедших в течение столетий перемен, по которым берега Черного моря из исключительного владения Турции перешли значительную долю во владение России»¹⁶.

Британия и позднее США придерживались и придерживаются принципа свободы мореплавания, в том числе в отношении Черного моря. Этот подход удалось в полной мере реализовать Западу после Крымской войны. А во время Крымской войны 1853–1856 гг. Турция открыла проливы для Великобритании и Франции, предоставив возможность флоту врагов Российской империи войти в Черное море и атаковать Крым. Неудачный для России ход войны вынудил русских принять навязанные условия мира и подписать 18 (30) марта 1856 г. Парижский мирный договор (Парижский трактат), согласно которому Черное море объявлялось европейским (нейтральным) морем¹⁷.

Шире британская стратегия концентрируется на создании контролируемого пространства между Балтийским и Черным морями, что связано с доступностью балто-черноморского региона для морской державы, с одной стороны, и разделением за счет этой дуги европейской и российской цивилизации – с другой, и созданием механизмов ключевого влияния на оба субъекта – с третьей.

В исторической ретроспективе взаимодействия Российской и Османской империй необходимо подчеркнуть часто повторяющийся сюжет, когда обе империи становились подсистемами британского или французского империализма и выступали либо союзниками, либо участвовали в противостоянии мировых держав по разные стороны. С 1688 по 1815 г. Франция и Великобритания воевали за доминирование в мире, формируя расширенные рамки внешнеполитических возможностей для региональных держав, какими на тот момент являлись Османская и Российская империи [19].

В исторической ретроспективе Россия и Турция конкурируют также в цивилизационном пространстве, а в современном периоде – и национальном, являясь стречневыми государствами православной и исламской цивилизаций. В настоящее время цивилизационные проекты имперской эпохи подкрепляются национально-идеологической идентичностью таких идеологов, как «русский мир» и «тюркский мир» (Türk dünyası). И вот здесь необходимо учитывать лингвистические особенности турецкого языка, которые несколько меняют акценты для восприятия идей «тюркского мира» за пределами Турции и тюркского сообщества: в турецком языке *тюрок* и *турок* имеет одно значение – «Türk», т. е. на турецком языке это – идеи «турецкого мира».

Особенностью же политизации идей пантюркизма является еще один аспект, который необходимо учитывать в процессе понимания турецкой современной экспансии: в период правления кемалистов (1923–2002 гг. с небольшими перерывами

¹⁶ Данилевский Н. Я. Горе победителям. С. 98–99.

¹⁷ Там же.

нахождения военных и оппозиционных партий у власти) пантюркизм популяризировался в 1942–1943 гг. и с 1991 г. до начала 2000-х гг. – в периоды ослабления СССР и Российской Федерации. Очевидно, что после победы во втором туре президентских выборов 28 мая 2023 г. партии Р. Эрдогана и его политического союзника Д. Бахчели продолжают курс на использование тюркского фактора во внешней политике и для внутривластного потребления¹⁸.

Цивилизационный подход позволяет выделить зоны межцивилизационного взаимодействия. Как отмечают Ю. Павленко, Б. Парахонский, «такой зоной цивилизационного стыка и периодически обостряющейся этноконфессиональной напряженности является Крым – важнейший стратегический пункт всего Причерноморья. В древности здесь преобладало влияние непосредственно присутствовавшей на полуострове (город Боспор, Феодосия, Херсонес, Керкинитида) Античной цивилизации в ее ранней древнегреческой, а также эллинистической и поздней греко-римской формах. Последняя, по мере утверждения христианства в Средиземноморско-Черноморском бассейне, органически переросла в Византийско-Восточно-христианское влияние, сочетавшееся с заметным присутствием иудаизма и господством в степной зоне тюркских племен с их традиционным язычеством»¹⁹. Конфессиональные изменения в Крыму начались в XIII в., когда он стал частью Золотой Орды. Если до XV в. в юго-западной и южной частях полуострова преобладало православие, то в 1475 г. в результате турецкого завоевания ислам выходит на ведущие позиции с конца XV в. по конец XVIII в. Развернутая Екатериной II политика христианизации и русификации Крыма была успешно продолжена российскими государями в XIX в. А после выселения крымских татар в 1944 г. славянское, православно-советское и постправославное преобладание стало здесь непререкаемым. Однако на фоне возвращения крымских татар при поддержке Турции на полуострове возросла роль тюрко-мусульманского фактора и он, при сохранении численного политического и социально-экономического преобладания славянского компонента, снова приобрел характер района межцивилизационного взаимодействия²⁰. После 2014 г. взвешенная межконфессиональная политика России компенсирует тенденции активной исламизации крымского региона в период с 1991 по 2014 г.

В своем имперском пути развития Османская империя повлияла на геоэкономические трансформации всего мира, сыграв значительную роль в стимулировании развития мореплавания и новых географических открытий. Так, представляется интересным тезис американского исследователя Дж. Фридмана: «Став после завоевания Константинополя доминирующей военно-морской силой в Восточном Средиземноморье, турки-османы получили контроль над ключевой точкой Шелкового пути; для полного контроля над Средиземным

¹⁸ Имперское возрождение Турции: вызовы для России. Интервью с российским политологом, доктором политических наук Александром Ирхиным [Электронный ресурс] // Крымское армянское общество. URL: <https://kaoluy.su/2022/01/03/imperskoe-vozzrozhdenie-turcii-vyzovy-rossii-intervju-s-rossijskim-politologom-doktorom-politicheskikh-nauk-aleksandrom-irhinym/> (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁹ Павленко Ю. В., Парахонский Б. А. Черноморский регион как зона цивилизационного стыка и место в нем Крыма // Цивилизационная структура мира. Кн. 2. Киев : «Наукова думка» НАН Украины, 2007. С. 522–534.

²⁰ Там же. С. 528–529.

морем им требовался союзник, которым в середине XV в. стала христианская Венеция, а цены на пряности были подняты до небес. Поиск альтернативных путей в Индию в обход Османской империи стал насущной необходимостью: европейские государства хотели найти возможность не отдавать деньги туркам и венецианцам»²¹.

Современная система координат взаимодействия Российской Федерации и Республики Турция в парадигме классической геополитики удачно описана Ш. Актюрком, который утверждает, что после окончания холодной войны для Турции образовался исторический шанс отыграть часть имперских пространств, потерянных в результате взаимодействия с Российской (Советской) имперской системой. Развал СССР создал геополитическую ситуацию, при которой непосредственные соседи Турции, за исключением Ирана, не представляют экзистенциального вызова Турции с точки зрения их скрытой или фактической силы, «периферия» непосредственных соседей Турции включает в себя уже сферы влияния держав, обладающих военными или экономическими возможностями, чтобы угрожать соседям Турции или самой Турции. Таким образом, Турция должна принять «доктрину добрососедского ядра», чтобы не допустить экспансию военной мощи великих держав на свою периферию – пространство непосредственных соседей – и должна стремиться к интеграции со своими непосредственными соседями через двусторонние или многосторонние экономические, политические инициативы и инициативы в области безопасности. Иными словами, Турция должна обеспечить неприкосновенность границ своих соседей и укреплять их суверенитет и целостность от более сильных соседей. Непосредственные соседи Турции являются естественным поясом безопасности для нее [20]. В итоге концепция «Стратегической глубины» А. Давутоглу была направлена на достижение этой цели. С учетом закрытости основных документов по внешней политике Турции тезисы Ш. Актюрка представляются достаточно продуктивными.

Схематично современную внешнюю политику Турции можно представить несколькими уровнями: глобальный, региональный, морской.

Первый уровень, отраженный в тезисе президента Р. Т. Эрдогана «Мир больше пяти» (*Dünya besten büyüktür*), – создание на обломках однополярного мира более справедливой модели мирового порядка, где не только постоянные члены Совета безопасности ООН, но и иные субъекты международных отношений принимают участие в судьбоносных мировых решениях. Однако тезис Эрдогана должен трактоваться шире: создание не только более справедливой модели мира в рамках принятия решений, что следует из его выступлений на Генеральной ассамблее ООН, но и более справедливого в социальной сфере мира, когда голодающая или живущая в нищете часть мирового населения должна изменить свое положение за счет более равномерного распределения материальных благ в рамках всего мира [13]. Этот уровень внешней политики подкрепляется в пространстве идей концепцией лидерства Турции во всем исламском мире. Президент Турции справедливо замечает, что последние 100 лет мир строился за счет исламской цивилизации (к слову, между строк читается:

²¹ Фридман Дж. Горячие точки. Геополитика, кризис и будущее мира. М. : Питер, 2016. С. 60.

когда Турция в результате Лозаннского мирного договора пыталась отказаться от своей цивилизационной идентичности и роли лидера в исламском мире, как только Турция пошла по этому пути, мусульмане во всем мире стали ресурсом для Вестфальской и Ялтинско-Потсдамской систем международных отношений, за счет которых существовал остальной мир).

С 2007 г. в программных документах Партии справедливости и развития ставится задача превращения Турции в глобальную державу (глобального влиятельного игрока). Далее этот тезис звучит все чаще среди руководства правящей партии. Однако Турция до сегодняшнего дня не обладает достаточным количеством ресурсов для статуса мировой державы, являясь, безусловно, великой региональной державой [21, с. 82].

Региональный уровень современной внешней политики Турции может быть рассмотрен в системе координат постстратегической глубины, которую турецкие исследователи обозначили как период морального реализма (после 2016 г.), неоосманизма и пантюркизма (табл. 1).

Таблица 1. Эволюция параметров турецкой внешней политики в рамках «Стратегической глубины»²²

Table 1. Evolution of Some Criteria of the Turkish Foreign Policy within the Strategic Depth Concept

Параметры / Parameters	До 2016 г. / Before 2016	После 2016 г. / After 2016
Турция как центр притяжения / Türkiye as a centre of attraction	✓	✓
Приоритет «мягкой» силы над «жесткой» / Soft power priority over hard power	✓	–
Экономическое лидерство и экономическая взаимозависимость / Economic leadership and interdependence	✓	
«Ноль проблем с соседями» / Zero problems with neighbours	✓	–
Историческое наследие / Historic heritage	✓	✓
Гуманитарная дипломатия / Humanitarian diplomacy	✓	✓
Активное международное сотрудничество / Active international cooperation	✓	
Страна-модель / Country as a model	✓	
Энергетический хаб-коридор / Energy hub&corridor	✓	

В конце второго десятилетия XXI в. в Турции появляется и оформленная морская политика под названием «Голубая родина» (Mavi Vatan). Президент Турции в этом плане неоднократно показывал свое отношение к «Тюркскому миру» и «Голубой родине», позируя с картами данных концептов перед национальными СМИ. Если политическая карта «Тюркского мира» (Türk dünyası – Турецкого мира) не учитывает российских интересов, а показывает претензии на собственно территории Российской Федерации, не говоря уже о сфере влияния на Южном и Северном Кавказе и Центральной Азии, то концепт «Голубая родина» демонстрирует сферу национальных интересов Турции в Южном и Центральном Причерноморье и Восточном Средиземноморье. То есть, по сути, учитывает интересы России в Северном Причерноморье.

²² Таблица составлена авторами.

При исследовании имперского возрождения Турции следует принимать во внимание так называемый северский синдром турецкой элиты, когда объединенный Запад расчленяет Турцию. Северский мирный договор предполагал существование государства в рамках примерно 25 % от современных территорий. Факт подписания Северского мирного договора (1920 г.) последним султаном и халифом Османской империи Мехмедом VI, который благодаря этому акту потерял власть и спровоцировал национально-освободительную войну, представляется интересным в синтезе политической и исторической методологии. Национально-освободительная война привела к Лозаннскому миру (1923 г.) и созданию нового образования – Турецкой Республики. Турция, таким образом, в свой имперский период долгого противостояния с Западом и Россией планомерно теряла свои имперские пространства, точкой бифуркации данного процесса стал 1920 г.

Российская Федерация (1991 г.), как и Российская империя (1721 г.), в своем имперском развитии взаимодействовала и сталкивалась с Западом. Циклы развития российского пространства, начиная с первого крупного столкновения с военно-политической внешней силой и с учетом киевского периода древнерусской государственности, показывают, что за исключением первого периода ослабления и упадка, который связан со столкновением с татаро-монгольской силой, все остальные циклы потери пространства происходили за счет столкновения с Западом. А. И. Уткин следующим образом характеризует циклы российского пространства: «...Внутри страны доминирует мнение, что государство распалось и исчезло многократно – в 1237, 1612, 1918 годах, оно стояло на краю гибели в 1709, 1812, 1941 годах, но восставало в 1480, 1613, 1920, 1945 годах. И этот национальный код трудно, если вообще возможно, изменить, он живет в массовом сознании, являясь основой национальной психологической парадигмы. С психологической реальностью следует обращаться всерьез: Россия была, есть и будет такой, какой она живет в воспоминаниях, восприятии и мечтах ее народа»²³.

Ни одного экзистенциального вызова для российского пространства не исходило со стороны Турции в течение двенадцати войн, в то же время Россия дважды спасала турецкую государственность от гибели: в 1833 и 1920 гг.

Общим для двух империй является факт катастрофической и революционной потери имперских пространств в результате неудачных столкновений с западными империями, прежде всего с Великобританией для Османской империи, и США – для Российской (в рамках СССР). При этом вторым фактом, объединяющим два имперских пространства России и Турции, является то, что оставшиеся от них части пытались стать частью западной цивилизации: за счет пространства и потери собственной идентичности. Немецкий геополитик К. Хаусхофер следующим образом описывал такое состояние позднеимперских элит: «Ибо бывают времена апатии и усталости: они приходят и к сильным странам, и к храбрым народам, укрепляя и обессиливая их подобно яду, заставляя их растратить и проспять унаследованное пространство и будущее собственных детей. В подобные времена всякий говорящий им то, что они желают слышать, заставляя их погружаться в гипноз, не обретает никакой заслуги перед ними,

²³ Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М. : ЭКСМО, 2003. С. 552.

но лишь грешит в отношении их лучшей жизненной силы. Напротив, следует считать своим долгом без устали окликать их как сомнамбул до тех пор, пока они не услышат и не пробудятся, дабы укрепить и расширить свои границы»²⁴.

В этом контексте в генетической памяти российской и турецкой имперских элит глубоко укоренилась горечь геополитического поражения от коллективного Запада, результатом которого стал драматический поиск новой идентичности, который по большому счету заключался в подражании Западу и сопровождался катастрофически длительным экономическим и ментальным ограблением.

На современном этапе Россия и Турция выстраивают отношения в сложной системе сдержек и противовесов с учетом исторического опыта и геополитической динамики. В этой динамике две державы обречены, как показывает исторический опыт, одновременно являться и конкурентами, и партнерами.

По традиционным параметрам силы России и Турции (военный, экономический, технологический, фактор притягательности массовой культуры) эти страны являются региональными лидерами (табл. 2).

Таблица 2. Соотношение параметров лидерства в Черноморском регионе [13, с. 96]
Table 2. Correlation of Leadership Parameters in the Black Sea Region

Государство / State	Площадь, км ² / Area, sq. km.	Береговая линия, км / Coastline, km	Сухопутная граница, км / Land boundary, km	Население, чел. / Population, ppl.	ВВП, долл. (на 2021 г.) / GDP, USD (as for 2021)	Государственный долг, % от ВВП (на 2021 г.) / National debt, GDP % (as for 2021)	Военный бюджет, % от ВВП (на 2021 г.) / Military budget, GDP % (as for 2021)
Россия / Russia	17 098 242	37 653	22 407	142 021 981	4,016 трлн	15,5	3,9
Турция / Türkiye	783 562	7 200	2 816	83 047 706	2,186 трлн	28,3	1,89
Грузия / Georgia	69 700	310	1 814	4 935 518	39,85 млрд	44,9	2,0
Украина / Ukraine	603 550	2 032	5 618	43 528 136	369,6 млрд	71,0	3,9
Болгария / Bulgaria	110 879	354	1 806	6 873 253	153,5 млрд	23,9	3,25
Румыния / Romania	238 391	225	2 844	18 519 899	483,4 млрд	36,8	2,04
Молдавия / Moldova	33 851	0*	1 885	3 287 326	23,72 млрд	31,5	0,4

* Порт Джурджулешты / Port of Giurgiulești.

Сравнение показателей развития черноморских государств позволяет выделить две региональные державы, которые формируют исторически сложившейся кондоминимум региона. При этом Россия превосходит Турецкую Республику по экономическим показателям и военным тратам. В то же время

²⁴ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М. : Мысль, 2001. С. 248.

пространство Турции почти в 22 раза меньше российского, что формирует крайне неблагоприятные экономические издержки на его содержание в мирное время, которое, однако, становится стратегической глубиной для России в военные периоды [13].

Современное российско-турецкое взаимодействие можно определить в качестве трехуровневой системы.

Первый уровень характеризуется сферой сотрудничества двух держав по пяти основным направлениям:

1) геополитическое взаимодействие в Сирии – на общем уровне оба государства заинтересованы в сохранении целостности Сирийской Арабской Республики [20];

2) сохранение Черноморского региона в качестве «заднего двора» для Турции и России, что возможно осуществить при сохранении Конвенции Монтрё и совместных усилий по недопущению экспансии нерегиональной державы либо расширения присутствия нерегионального военно-политического блока (ссылка на ст. 19 Конвенции Монтрё и перекрытие проливов для всех военных кораблей в период развития конфликта в Черноморском регионе относятся к этому пункту);

3) энергетические проекты (газотранспортные проекты и проекты в области ядерной энергетики), позволяющие превращать Турцию в хаб по реэкспорту энергетических ресурсов и тем самым максимально использовать свое выгодное положение;

4) финансово-экономическое сотрудничество, которое имеет значительные перспективы после начала специальной военной операции России на Украине;

5) ограниченное военно-техническое сотрудничество двух государств: турки не поставляют России беспилотные технологии, Россия поставляет комплексы ПВО;

6) другие сферы сотрудничества двух государств, направленные на формирование многополярного мира.

Другой уровень двусторонних отношений формирует сферу конкуренции и военно-политического противоборства между Россией и Турцией. Основная часть этой конкуренции происходит через посредников и как бы хеджирует риски прямого столкновения Анкары и Москвы. Так, Армения, Сирия, Греция, Израиль, Иран, Украина, Азербайджан, Турецкая Республика Северного Кипра и другие в своей внешней политике апеллируют за поддержкой либо к Москве, либо к Анкаре. Однако представлять этот уровень сугубо дуалистичным противостоянием неверно. В каждой конкретной кризисной ситуации вероятное столкновение России и Турции может привести к проигрышу и Анкары, и Москвы при любом сценарии окончания данного столкновения и выигрышу нерегиональных субъектов – как правило США и Великобритании.

Третий уровень взаимодействия касается внешнеполитической активности Анкары, непосредственно угрожающей российским национальным интересам:

1) интеграционная деятельность Турции в рамках пантюркистских площадок (основная – организация тюркских государств (Турция, Азербайджан, Казахстан,

Киргизия, Узбекистан), до 2021 г. – Совет сотрудничества тюркоязычных государств, Тюркский совет) идет вразрез с интересами Российской Федерации на Южном Кавказе, в Центральной Азии и в самой России;

2) на Ближнем Востоке, в зоне неоосманского проекта, Турция ведет политику, противоречащую российским подходам;

3) Турция не только не признала российский статус Крыма, но с начала специальной военной операции значительно нарастила сотрудничество с Украиной в области военных технологий [13].

Кроме того, за последние несколько лет появились тенденции конкуренции России и Турции в области эмоционального пространства: все чаще лидер Турции озвучивает идеи, которые при разрушении однополярного мира брала на себя ранее Россия – построение более справедливого мирового порядка.

Обсуждение и заключение. Ретроспективный и политический анализ российско-турецких отношений в рамках взаимодействия России и Турции в качестве имперских систем позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, природа двух государств, несмотря на то, что они часто представляются антиподами, имеет много общего: обе империи формировались как евразийские державы, впитав в себя культуры многих народов. Османы при этом в своем имперском развитии двигались с Востока на Запад, а русские – с Запада на Восток. Обе империи распались в результате Первой мировой войны, Турция начала путь подражания Западу с Лозаннского мирного договора (1923 г.), а Россия, которая была пересобрана большевиками, – спустя почти семьдесят лет, с 1991 г. В этом имперском пути России и Турции необходимо учитывать, что несмотря на 12 российско-турецких войн, ни одна из сторон не представляла экзистенциальной опасности для другой, а Россия дважды спасала турецкую государственность (1833 и 1920 гг.). В то же время у обеих элит есть от-refлексированная историческим опытом экзистенциальная угроза со стороны Запада.

Во-вторых, в процессах имперского или державного возрождения в первом десятилетии XXI в. и Россия, и Турция проходят внешне схожие процессы. К власти в Турецкой Республике в 2002 г. приходит Партия справедливости и развития, а в Российской Федерации в 2003 г. – «Единая Россия». Оба политических субъекта используют риторику великого прошлого и необходимости создания многополярного мира, где Анкара и Москва займут достойное место в новом мировом порядке. Некоторые реперные точки имперского возрождения России и Турции проходили с взаимной поддержкой: к примеру, военно-морская операция в Черноморском регионе «Черноморская гармония», которая заблокировала расширение американской операции «Активные усилия» на Черное море (2004 г.), дипломатическая поддержка Турцией позиции России в пятидневной российско-грузинской войне (2008 г.).

В-третьих, сопоставление ресурсных потенциалов России и Турции дает безусловное преимущество первой, а наличие в отношениях двух держав сферы сотрудничества и области конкуренции и острой конфронтации приводит к положению, когда Анкара и Москва могут являться партнерами и конкурентами одновременно и часто по одним и тем же вопросам. Однако сохранение

современного многомерного состояния двусторонних отношений является более выгодным, чем возвращение Анкары к прозападной политике, следовательно, продолжение политического курса Партии справедливости и развития является для Москвы более желательным, чем его замещение оппозиционными турецкими партиями в ближайшем будущем.

Черноморский регион стал фронтовой зоной формирования новой системы международных отношений. Российско-турецкие отношения являются стержневыми для обеспечения его стабильности при условии сохранения действия Конвенции Монтрё. Однако новые геополитические конфигурации в Черноморском регионе со стороны Запада и Турции структурируются за счет геополитического пространства России. Все неурегулированные конфликты на постсоветском пространстве находятся в Черноморском регионе, а главной задачей американской геостратегии является вытеснение России из него. Реализация этих двух составляющих позволит сформировать синергетический эффект: США и их союзникам получить доступ в Каспийский регион как энергетическую кладовую и создать оперативный простор для военно-политического влияния на Россию, Иран, Китай, Индию, Турцию, а через балто-черноморско-каспийскую проекцию – и на ведущие державы Евросоюза (Францию и Германию). До 2014 г. Москва и Анкара по сути образовывали региональный военно-политический альянс в Черном море и в зоне Черноморских проливов во многом за счет реализации проектов «Черноморская гармония» и «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе». Однако после 2014 г. региональная военно-политическая ситуация усложнилась, и Турция присоединилась к коалиционному «сдерживанию» России в Черноморском регионе. При этом Турция Эрдогана все же имеет особую позицию в этой системе «сдерживания», которая заключается в многовекторности внешней политики, связанной с постановкой на первое место национальных интересов, а затем блоковых обязательств. В то же время возрастающие региональные и глобальные амбиции Турции способствуют усилению сферы конкуренции между ней и Россией и включают возможный «эффект домино» в региональной и мировой политике.

Турция под руководством Р. Т. Эрдогана является «проблемным» союзником для Западной коалиции, равно как и сложным партнером для России. Однако закрытие в период специальной военной операции Черноморских проливов Анкарой со ссылкой на ст. 19 Конвенции Монтрё показывает субъектность и роль турецкого государства в региональном конфликте и в политике Черноморского региона, который сейчас относится к наиболее важным в мире. И для Запада, и для России, как и ранее, актуализируется проблема Черноморских проливов.

Россия и Турция являются активными архитекторами создаваемого нового миропорядка. Каждая из держав пытается найти свои политические границы, которые в эти исторические периоды становятся активно подвижными, пределы сфер влияния и – как обязательный политический бонус – сферу хаоса. Эти компоненты державности в новом мире, как представляется, будут основой новой структуры международных отношений, и в этом процессе Россия и Турция на данном этапе выступают по крайней мере стратегическими союзниками. Два государства имеют значительный исторический опыт взаимодействия, который

характеризуется как соперничеством, так и сотрудничеством. Две евразийские империи находятся в точке бифуркации своего развития: либо они станут самостоятельными центрами развития, либо гумусом для других имперских и цивилизационных проектов в новом мире.

Исключительно с теоретической точки зрения имперские структуры России и Турции имеют много общего. На практическом уровне политики Турция, как ни странно, в последние пять лет начала перенимать те черты и механизмы взаимодействия с миром, которые были присущи ранее России, что эмоционально отразилось на полях саммита ШОС 15–16 сентября 2022 г., когда Эрдоган стал центром внимания со стороны всех лидеров государств, прибывших на саммит: создание более справедливого мира, реформа системы ООН, более равномерное распределение мировых богатств между богатым Севером и бедным Югом и т. д. Очевиден успех незападного вектора внешней политики и развития Турции, однако итоги президентских выборов показали глубокий раскол турецкого общества с небольшим перевесом в сторону Р. Эрдогана, поэтому политическая борьба за выбранный курс в различных ее проявлениях будет продолжена. Почти 48 % голосов за К. Кылычдароглу – это практически цивилизационный раскол мировосприятия будущего Турции, ее внутренней и внешней политики. Эрдогану необходимо предложить этой второй, оппозиционной, Турции какой-либо компромисс существования – общую картину будущего для «двух Турций». Параллельно действующий турецкий президент продолжит проводить реформы, направленные на упрочнение своей власти, укрепляя фундамент своего долговременного пребывания во главе государства. В сфере внешней политики Р. Эрдоган продолжит свой внешнеполитический курс, при котором Турция за счет Запада уравнивает возрастающую роль России, а за счет военно-политической активности Москвы, на которой сейчас Турция зарабатывает геополитические и экономические ресурсы, уравнивает Запад.

Мы определяем эту логику новой Турции как «турецкий баланс», когда Анкара, являясь региональным центром силы, стремится повысить свой статус до мировой державы за счет своего уникального геополитического положения и при умелом маневрировании получает максимальные геополитические и геоэкономические дивиденды, используя глобальные противоречия между Западом и Востоком.

Материалы проведенного исследования имеют как теоретическую, так и практическую значимость и могут быть использованы научными институтами РАН при подготовке аналитических докладов в соответствующие органы государственной власти. Исследование может быть непосредственно использовано профильными отделами МИД России при разработке внешнеполитических документов, рекомендаций, аналитических материалов для информирования высшего руководства государства по исследуемой тематике. На региональном уровне результаты исследования могут быть полезны руководству Республики Крым и города федерального значения Севастополь при разработке механизмов для выхода региона из политической и экономической изоляции, а также разработки региональных мер безопасности в условиях проведения специальной военной операции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Berger L. The Long Lasting End of the Ottoman Empire // *The End of Empires* / ed. by M. Gehler, R. Rollinger, Ph. Strobl. Springer VS, Wiesbaden, 2022. Pp. 561–568. https://doi.org/10.1007/978-3-658-36876-0_28
2. Derlugian G. Some Ideas about Empires on Europe's Periphery (The Worlds the Portuguese, the Russians, and the Turks Created) // *Social Evolution & History*. 2007. Vol. 6, no. 1. Pp. 145–154. URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/seh/2007_1/some_ideas_about_empires_on_europes_periphery.pdf (дата обращения: 15.01.2023).
3. Doğan M. Türkiye'nin Jeopolitiği // *Uluslararası Yönetim Akademisi Dergisi*. 2022. Cilt 5, Sayı 2. Pp. 320–339. <https://doi.org/10.33712/mana.1159064>
4. Svarin D. Towards a Eurasian Axis? Russia and Turkey between Cooperation and Competition // *Global Affairs*. 2015. Vol. 1, issue 4-5. Pp. 381–398. <https://doi.org/10.1080/23340460.2015.1117250>
5. Aktürk Ş. Turkish–Russian Relations after the Cold War (1992–2002) // *Turkish Studies*. 2006. Vol. 7, issue 3. Pp. 337–364. <https://doi.org/10.1080/14683840600891034>
6. Ersen E. Turkey and Russia: An Emerging “Strategic Axis” in Eurasia? // *EurOrient*. 2011. No. 35–36. Pp. 263–285. URL: https://www.researchgate.net/publication/289087784_Turkey_and_Russia_An_Emerging_'Strategic_Axis'_in_Eurasia (дата обращения: 15.01.2023).
7. Larrabee F. S. Turkey's Eurasian Agenda // *The Washington Quarterly*. 2011. Vol. 34, issue 1. Pp. 103–120. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2011.538654>
8. Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a Shifting Global Order: Cooperation, Conflict and Asymmetric Interdependence in a Turbulent Region // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37, issue 1. Pp. 71–95. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086638>
9. Khalid A. A New Age of Empires? // *Current History*. 2022. No. 121 (837). Pp. 286–288. <https://doi.org/10.1525/curh.2022.121.837.286>
10. Mankoff J. *Empires of Eurasia: How Imperial Legacies Shape International Security*. New Haven, CT, Yale University Press, 2022. 384 p. <https://doi.org/10.12987/yale/9780300248258.001.0001>
11. Therme C. Russia, Iran and Turkey: Between Shared Historical Experiences and Contextual Understanding // *Hérodote*. 2018. No. 169. Pp. 27–39. <https://doi.org/10.3917/her.169.0027>
12. Комлева Н. А. Возрождение империи: «турецкий треугольник» // *Вестник МГОУ*. 2021. № 3. С. 83–105. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-3-1082>
13. Ирхин А. А., Москаленко О. А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 1. С. 91–107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
14. Кудряшова И. В., Матюхин В. В. Турция: национальные интересы и имперскость // *Политическая наука*. 2013. № 3. С. 117–136. EDN: RCOYBL
15. Вартумян А. А. Современные политические элиты Турции и их имперский проект // *Вопросы элитологии*. 2022. № 3. С. 112–125. URL: <https://elitology-journal.com/index.php/ieo/article/view/120> (дата обращения: 15.01.2023).
16. Аватков В. А., Сбитнева А. И. Новый национализм Турецкой Республики // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022. Т. 24, № 2. С. 291–302. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>
17. Аватков В. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 2. С. 90–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100>
18. Надеин-Раевский В. А. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 1. Пантюркизм: основные вехи истории // *Перспективы. Электронный журнал*. 2022. № 1 (28). С. 62–73. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-1-62-73>
19. Ирхин А. А., Чихарев И. А. Россия и Большое Средиземноморье 1783–1920 гг.: от присоединения Крыма к России до эвакуации белой элиты из Севастополя // *Парадигмы истории и общественного развития*. 2018. № 12. С. 48–57. EDN: VUBBHT

20. Aktürk Ş. Turkey's Grand Strategy as the Third Power: A Realist Proposal // PERCEPTIONS: Journal of International Affairs. 2021. Vol. 25, issue 2. Pp. 152–177. URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/perception/issue/59437/853765> (дата обращения: 10.01.2023).

21. Аватков В. А. Внешняя и внутренняя политика Турции. Ключевые изменения 2020 г. // Свободная мысль. 2021. № 1. С. 81–90. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/Articles/2021/SvobMysl-012021-Avatkov.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).

Поступила 16.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 10.03.2023.

Об авторах:

Ирхин Александр Анатольевич, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук и философии Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Scopus ID: 57212405239, Researcher ID: A-4781-2019, alex.irhin@mail.ru

Москаленко Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Scopus ID: 57211746837, Researcher ID: F-2699-2016, kerulen@bk.ru

Кабанова Наталья Евгеньевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1395-3217>, natalia.kabanova@gmail.com

Демешко Наталья Эдуардовна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и философии Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9620-2410>, Scopus ID: 57759845100, Researcher ID: ABY-8555-2022, natalidem93@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А. А. Ирхин – разработка концепции исследования; развитие методологии; подготовка начального варианта текста.

О. А. Москаленко – развитие методологии; разработка дизайна исследования; подготовка текста.

Н. Е. Кабанова – критический анализ и доработка текста; формализованный анализ данных.

Н. Э. Демешко – критический анализ и доработка текста; формализованный анализ данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Berger L. The Long Lasting End of the Ottoman Empire. In: Gehler M., Rolling R., Strobl Ph., editors. The End of Empires. Wiesbaden: Springer VS; 2022. p. 561–568. https://doi.org/10.1007/978-3-658-36876-0_28

2. Derluigian G. Some Ideas about Empires on Europe's Periphery (The Worlds the Portuguese, the Russians, and the Turks Created). *Social Evolution & History*. 2007;6(1):145–154. Available at: https://www.socionauki.ru/journal/files/sch/2007_1/some_ideas_about_empires_on_europes_periphery.pdf (accessed 15.01.2023).

3. Doğan M. Turkey's Geopolitics. *Uluslararası Yönetim Akademisi Dergisi*. 2022;5(2):320–339. (In Turkish, abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33712/mana.1159064>

4. Svarin D. Towards a Eurasian Axis? Russia and Turkey between Cooperation and Competition. *Global Affairs*. 2015;1(4-5):381–398. <https://doi.org/10.1080/23340460.2015.1117250>
5. Aktürk Ş. Turkish–Russian Relations after the Cold War (1992–2002). *Turkish Studies*. 2006;7(3):337–364. <https://doi.org/10.1080/14683840600891034>
6. Ersen E. Turkey and Russia: An Emerging “Strategic Axis” in Eurasia? *EurOrient*. 2011;(35–36):263–285. Available at: https://www.researchgate.net/publication/289087784_Turkey_and_Russia_An_Emerging_‘Strategic_Axis’_in_Eurasia (accessed 15.01.2023).
7. Larrabee F.S. Turkey’s Eurasian agenda. *The Washington Quarterly*. 2011;34(1):103–120. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2011.538654>
8. Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a Shifting Global Order: Cooperation, Conflict and Asymmetric Interdependence in a Turbulent Region. *Third World Quarterly*. 2016;37(1):71–95. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086638>
9. Khalid A. A New Age of Empires? *Current History*. 2022;(121):286–288. <https://doi.org/10.1525/curh.2022.121.837.286>
10. Mankoff J. Empires of Eurasia: How Imperial Legacies Shape International Security. New Haven, CT, Yale University Press; 2022. <https://doi.org/10.12987/yale/9780300248258.001.0001>
11. Therme C. Russia, Iran and Turkey: Between Shared Historical Experiences and Contextual Understanding. *Hérodote*. 2018;(169):27–39. <https://doi.org/10.3917/her.169.0027>
12. Komleva N.A. The Rebirth of the Empire: “Turkish Triangle”. *Bulletin of Moscow Region State University*. 2021;(3):83–105. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-3-1082>
13. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. “The World is Bigger than Five”. Turkey’s Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(1):91–107. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
14. Kudryashova I.V., Matyukhin V.V. Turkey: National Interests and Imperial Legacy. *Political Science*. 2013;(3):117–136. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: RCOYBL
15. Vartumyan A. Modern Political Elites of Turkey and Their Imperial Project. *Issues in Elitology*. 2022;(3):112–125. Available at: <https://elitology-journal.com/index.php/ieo/article/view/120> (accessed 15.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Avatkov V.A., Sbitneva A.I. New Nationalism of Turkish Republic. *RUDN Journal of Political Science*. 2022;24(2):291–302. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>
17. Avatkov V. Turkey and Azerbaijan: One Nation – One State? *World Economy and International Relations*. 2022;66(2):90–100. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100>
18. Nadein-Raevskiy V.A. History of Pan-Turkism and its Contemporary Supporters. Part 1. Key Milestones in the History of Pan-Turkism. *Perspectives and Prospects*. 2022;(1):62–73. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-1-62-73>
19. Irkhin A.A., Chikharev I.A. Russia and the Mediterranean Macro-Region in 1783–1920: From the Accession of Crimea to Russia to Evacuation of the White Elite from Sevastopol. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya*. 2018;(12):48–57. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VUBBHT
20. Aktürk Ş. Turkey’s Grand Strategy as the Third Power: A Realist Proposal. *PERCEPTIONS: Journal of International Affairs*. 2021;25(2):152–177. Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/perception/issue/59437/853765> (accessed 10.01.2023).
21. Avatkov V.A. Turkey’s Foreign and Domestic Policy. Key Changes in 2020. *Svobodnaya Mysl*. 2021;(1):81–90. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/ru/Articles/2021/Svobodnaya_Mysl-012021-Avatkov.pdf (accessed 10.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 16.01.2023; revised 27.02.2023; accepted 10.03.2023.

About the authors:

Aleksandr A. Irkhin, Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Head, Department of Political Science and Philosophy, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Scopus ID: 57212405239, Researcher ID: A-4781-2019, alex.irhin@mail.ru

Olga A. Moskalenko, Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Scopus ID: 57211746837, Researcher ID: F-2699-2016, kerulen@bk.ru

Natalya E. Kabanova, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of Translation, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1395-3217>, natalia.kabanova@gmail.com

Natalya E. Demeshko, Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor, Department of Political Sciences and Philosophy, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9620-2410>, Scopus ID: 57759845100, Researcher ID: ABY-8555-2022, natalidem93@mail.ru

Contribution of the authors:

A. A. Irkhin – concept of the research; development of the methodology; initial draft of the manuscript.

O. A. Moskalenko – development of the methodology; design of the research; draft of the manuscript.

N. E. Kabanova – critical analysis and editing of the text; formal data analysis.

N. E. Demeshko – critical analysis and editing of the text; formal data analysis.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.